

Б. Н. Алмазов

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ**

2-е издание, переработанное и дополненное

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 316.624(075.8)

ББК 88.3я73

A51

Автор:

Алмазов Борис Николаевич — профессор, доктор педагогических наук, кандидат медицинских наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

Рецензент:

Ицкович М. М. — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики института психологии и педагогики детства Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

Алмазов, Б. Н.

A51 Психология социального отчуждения : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Б. Н. Алмазов. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 172 с. — (Серия : Авторский учебник).

ISBN 978-5-534-09722-1

В книге говорится о тех вариантах отчуждения, где человек нуждается в социальной поддержке и определенных усилиях со стороны общества и государства. Автор предпринимает попытку осмыслить проблему социального отчуждения сугубо прагматично, лишь в том ключе, который нужен для работы с живыми людьми в повседневной реальности. Он рассматривает социальное отчуждение в различных аспектах, как нормальную потребность в онтогенезе личности, как феномен общественной жизни, при девиантном развитии личности и других.

Пособие представляет интерес для студентов высших учебных заведений, обучающихся на социальных и психологических факультетах, а также для всех, кого интересует данный вопрос.

УДК 316.624(075.8)

ББК 88.3я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-09722-1

© Алмазов Б. Н., 2007

© Алмазов Б. Н., 2019, с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Содержание

Вступление	5
<i>Рекомендуемая литература</i>	7
Лекция 1. Социальное отчуждение как нормальная потребность в онтогенезе личности	11
<i>Рекомендуемая литература</i>	31
Лекция 2. Социальное отчуждение как феномен общественной жизни	33
<i>Рекомендуемая литература</i>	49
Лекция 3. Социальное отчуждение на измененной почве	50
<i>Рекомендуемая литература</i>	77
Лекция 4. Социальное отчуждение при девиантном развитии личности	78
<i>Рекомендуемая литература</i>	104
Лекция 5. Общие контуры маргинального пространства (между проезжей дорогой, пивнушкой и тюрьмой)	107
<i>Рекомендуемая литература</i>	130
Лекция 6. Психология социального отчуждения в маргинальном варианте	131
<i>Рекомендуемая литература</i>	152
Лекция 7. Социальное отчуждение в нормальном варианте	153
<i>Рекомендуемая литература</i>	166
Вместо заключения	168
Новые издания по дисциплине «Социальная психология» и смежным дисциплинам	170

Вступление

«Призови меня в день печали, и я избавлю тебя» — я понимал эти слова теперь совершенно иначе: прежде они вызывали у меня только одно представление об освобождении из заточения, в котором я находился, потому что хоть на моем острове я и был на просторе, он все же был настоящей тюрьмой в худшем значении этого слова. Теперь же я научился толковать эти слова совсем в ином смысле... об избавлении я больше не молился и не думал о нем: таким пустяком стало оно мне казаться.

Д. Дефо

«Приключения Робинзона Крузо»

Поскольку эта книга предназначена не тем, кто решил заняться социальным отчуждением вообще из отвлеченного интереса или с целью расширения кругозора (хотя и на этого читателя мы в какой-то мере рассчитываем), а тем, кто собирается работать с социально неприспособленными людьми или в какой-то мере участвовать в их судьбе, нужно сразу сузить тему. Речь пойдет о тех вариантах отчуждения, где человек нуждается в социальной поддержке. Определенных усилиях со стороны общества и государства. Образно говоря, если отчуждение рассматривать как некую аномальность («потеряв свое место в замкнутом мире, человек перестает находить ответ на вопрос о смысле жизни, в результате он начинает испытывать сомнения в себе самом», пишет — Э. Фромм)¹, то реабилитация есть способ терапии, а для правильного лечения нет ничего важнее точного диагноза. На нем мы и сосредоточим внимание, оставаясь психологом и в основном, и в деталях.

Для этого необходимо преодолеть известную инерцию; ведь в течение многих лет в нашем отечестве представления о социальной поддержке не выходили за рамки социального обеспечения, то есть гарантии крова и пропитания из жалости и сострадания к людям, не способным о себе позаботиться, и лишь сравнительно недавно, когда миновала непосредственная угроза голодной смерти, представления людей о социальной справедливости перешли в разряд заботы

¹ Цит. по: Уэллс Г. От Фрейда к Фромму. М., 1968.

о достойном существовании. Теперь нас интересует не только факт (инвалид, безработный, бродяга и т. п.), а феномен — мировоззрение и самочувствие этих людей. И здесь, когда речь идет не о куске хлеба, а более тонких материях, таких как ценностные ориентации, социальные позиции, личностные установки, без психолога обойтись невозможно. Мы должны ясно понимать и честно признавать, что общество и государство не в состоянии обеспечить каждому:

- адаптацию как готовность принимать и выполнять требования среды как лично значимые смыслы (Ю. Клейберг);
- идентификацию как готовность включиться в уклад жизни с существующими для нее ценностями (В. Петровский);
- институализацию как принятие идеалов, на которых строятся правовые институты, в качестве внутренних регуляторов поведения (М. Мид).

И оставить для некоторых, кому это не по силам, возможность не гнаться за официальным статусом, а отступить в мир воображения, во всяком случае тогда, когда этот мир не враждебен обществу. Ведь известная деперсонализация (по Т. Шибутани) гораздо лучше насильственного приобщения к неприветствующей среде, так как способна примирить человека со многими житейскими неудачами. Придать его basic needs (самосохранения, принадлежности, самоуважения) иной вектор growth во избежание (по А. Маслоу) обостренной перцепции, переоценки себя, повышенной спонтанности, сосредоточенности, сопротивления «окультуриванию», идентификации себя с отрицательными героями и т. п.

Другими словами, обратить отчуждение на пользу человеку, чтобы, не обещая лишнего, окрасить привычный уклад жизни иными тонами, а в ландшафте обыденной жизни изменить, казалось бы, закосневшие пропорции. Легко ли это сделать, вопрос другого сорта.

Начнем с того, что за скорлупой отчуждения, как правило, скрывается уязвленное самолюбие. А всякое прикосновение к язве болезненно в любом случае, даже с лечебной целью, особенно неловкое и неумелое. Здесь нужны не только навыки (многие ими владеют, научившись на ошибках своих и чужих), но и знания. С последними дела обстоят похуже. К сожалению, учебная литература по социальной работе переполнена описаниями впечатлений и мнениями (гуманитарной публицистикой) из пресловутого практического опыта и здравого смысла — этой, по словам Л. Троцкого, «низшей формы интеллекта, достаточной лишь при известных условиях. Достаточных, чтобы торговать, голосовать, руководить профессиональным союзом, но на арене более сложных обобщений обнаруживающих себя как сгусток предрасудков определенного класса и определенной эпохи». Да еще, по словам К. Юнга, принадлежащих «специалистам, с грехом пополам обученным психологии, то есть точкам зрения (по большей части различным в своей основе) на те или иные правила, по которым нужно обращаться

с человеком»¹. И дело здесь не только и не столько в естественном желании университетских преподавателей обойтись без науки, если обстоятельства позволяют. А в иррациональной природе самого предмета изучения.

Отрываясь от социального обеспечения с его материальными расчетами, мы вступаем на зыбкую почву метафизики (по И. Канту). Развивая эту мысль, он пришел к однозначному выводу, что душа, как и космос, познается нами в условных единицах, которые нам нужны вне природы самого объекта. Например, измерять в километрах расстояние до звезд, конечно, можно, но это вовсе не значит, что мы постигаем саму бесконечность. «В своей трактовке каждой теории личности следует исходить из того, какое отношение эта теория имеет к каждому из нас. Например, работники, получающие почасовую оплату, могут обнаружить, что концепция режимов подкрепления Б. Скиннера проливает свет на их поведение на работе. Однако сомнительно, что чтение Скиннера поможет людям понять, почему они посещают религиозные службы. Здесь скорее будут полезны сочинения К. Юнга, посвященные роли символов и значимости Я», — отмечают Р. Фрейнджер и Д. Фейдман в своей капитальной работе «Личность» уже в наши дни.

Исходя из этих соображений, мы и попытались осмыслить проблему социального отчуждения сугубо прагматично, лишь в том ключе, который нужен для работы с живыми людьми в повседневной реальности, заведомо опуская умозрительные схемы, принадлежащие университетским преподавателям, черпавшим свои выводы из экспериментов, где в качестве лабораторных животных выступали их студенты. Может быть и несомненно, мы не стали при этом ближе к истине (да и не стремились к ней), но совершенно уверены, что наши схемы и приемы диагностического мышления своей логикой будут практически интересны для тех, кто занимается реальным делом.

Рекомендуемая литература

- Горький М. Жизнь ненужного человека. — М., 1988.
Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. — М., 1998.
Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988.
Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъективности. — Ростов н/Д, 1996.
Полевая М. В. Феномен отчуждения в психологии. — Балашов, 1996.
Ядов В. А. Образ мыслей и образ жизни. — М., 1996.

¹ Юнг К. Конфликты детской души. М., 1995.

Для нашего человека социальное отчуж-
дение важнее экзистенциального.

Часть первая
СОЦИАЛИЗАЦИЯ
ЛИЧНОСТИ
ПОД ДАВЛЕНИЕМ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

ОНТОГЕНЕЗ
ФИЛОГЕНЕЗ
ПАТОГЕНЕЗ
СОЦИОГЕНЕЗ

Лекция 1

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КАК НОРМАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ОНТОГЕНЕЗЕ ЛИЧНОСТИ

Потребность отождествлять себя с обществом обусловлена тенденцией уклоняться от вызывающих тревогу отношений, где нужно проявлять независимость. Немногие достигают зрелости, остальные же остаются на промежуточных стадиях развития.

По Г. Салливану

Индивид обособляется от порождающих его духовную жизнь сил, что и приводит к личности как таковой.

А. Яковлев

Весь жизненный путь, если взглянуть на него через призму отчуждения, распадается на три этапа. *Детство*, когда безраздельно доминирует потребность в отождествлении с реальным окружением. *Подростковый* возраст, когда рождение личности дает о себе знать тотальным отчуждением. *Избирательное отчуждение взрослого*, который формирует социальную среду по своему образу и подобию (если может) или сильно переживает, если его вынуждают жить среди тех, кто ему не по вкусу. Именно в такой последовательности социальные инстинкты формируют соответствующие потребности, когда условия воспитания тому не препятствуют. В тех же случаях, когда диспозитивные ожидания человека блокируются ситуацией, возникает напряжение, разрядить которое конструктивным способом удастся не каждому и не всегда. Тогда в ход идут психологические защитные механизмы, о природе которых мы и намерены говорить в этой книге.

Первый этап включает в себя четыре периода, когда доминируют определенные социальные потребности, задаваемые не менее определенными социальными чувствами, формируются навыки их удовлетворения, и все завершается кризисом переходного возраста, когда усвоенный жизненный опыт уже не годится, а новый еще не освоен.

В *младенчестве* (до трехлетнего возраста) полная неготовность к самостоятельной жизни заставляет жить в постоянном страхе, воз-

никающем от избытка информации. Присутствие взрослого человека, гарантирующего защиту от враждебности окружающего мира, совершенно необходимо. Это обуславливает постоянное *эмпатийно* окрашенное стремление к непосредственному соприкосновению с тем, кто берет на себя психическое напряжение. Угроза эмоционального отчуждения является мощным регулятором поведения и действенным инструментом воспитания. Чтобы избежать увеличения психологической дистанции и удержать внимание к себе, ребенок готов научиться говорить, соблюдать правила гигиены, пользоваться ложкой и др.

Сейчас закладывается эмоциональный фундамент личности — доверие к окружающим, активность познающей воли, коммуникабельность. Дети, испытавшие в младенчестве эмпатийную депривацию, в последующем инстинктивно стремятся обезопасить себя от всего незнакомого, а привычка к тревожному ожиданию во многом скажется на выборе стиля поведения, где предпочтительнее будет узнать привычное и успокоиться, чем столкнуться с новым и удивиться.

После того, как появление предметного сознания освободит ребенка от абсолютной зависимости, присутствия взрослого становится недостаточно.

В *дошкольном возрасте* с появлением *аффилиативной* потребности ребенок начинает тянуться к группе сверстников и нуждаться в игре, организованной взрослым человеком. Изоляция от социальной среды воспринимается как лишение. Будучи же грамотно использована в процессе воспитания, новая потребность формирует навыки социальной дисциплины: подчинение правилам игры, умение соблюдать чистоту, заботиться о слабом, делиться имеющимся и т. п. При этом состав участников группы не имеет значения. Лишь бы приняли. Сменив двор или детский сад, ребенок быстро привыкает к новому и не грустит об оставленном.

Заблокированная беспризорностью или небрежным воспитанием (предоставленные сами себе запущенные дети не играют, они живут реальной жизнью), аффилиативная потребность становится источником чувства неприкаянности. Причем вызвать его можно элементарной нечувствительностью, когда, например, воспитатель не замечает, что ребенок не понимает правил игры и вызывает у сверстников раздражение и недоверие. Он вроде бы формально остается в обществе, но в позиции неприветствуемого, чужака. Недаром система дошкольного воспитания имеет несколько вариантов учреждений для детей с недостаточными интеллектуальными задатками и социальными навыками. Не освоив навыков конструктивного взаимодействия с окружающими, дети приходят в школу «озлобленными дезорганизаторами».

В *семилетнем* возрасте потребность быть членом общества переходит с эмоционального на когнитивный уровень. Отныне ребенку недостаточно чувствовать себя принятым и приветствуемым. Он хочет иметь официальное подтверждение своей принадлежности к системе (коллективу). Если ты такой, как все, успехи коллектива становятся

твоими собственными достижениями, из которых можно формировать самооценку и притязания. Страх попасть в положение бойкотируемого, того, кто не вправе считать общее своим, на несколько лет определяет мотивы прилежания и послушания.

Разумный и умелый педагог старается обеспечить каждому ученику ситуацию успеха, заметить и подчеркнуть личные рекорды, дать возможность проявиться сильным сторонам натуры, не обязательно в форме достижений в учебе. Тогда ребенок утверждает свои позиции собственными усилиями и растет как личность. *Страх когнитивного диссонанса* не довлеет над ним. Учитель *неразумный, но умелый* формирует у детей привычку пребывать во власти, когда взрослый прав при любых обстоятельствах, а любой индивидуализм пресекается как недостойный эгоизм. Он поддерживает страх когнитивного диссонанса в постоянном напряжении, делая детей, по выражению А. Фрейд, «несчастливыми жертвами блестящего воспитания, в нравственном отношении мало чем отличающимися от своих запущенных в социальном отношении сверстников». *Неразумный и неумелый учитель* допускает сегрегацию по успеваемости и социальному статусу, закладывая в фундамент личности неприветливого ученика готовность смириться со своей никчемностью (он еще не созрел для протеста) и ощущение бессильного недоверия к существующему укладу жизни, чью волю в глазах ребенка выражает педагог.

Однако даже в лучших обстоятельствах воспитания дети стихийно рассредоточиваются по векторам развития, что ставит учеников с ограниченными психическими возможностями в ранг не только отстающих в учебе, но и пренебрегаемых (дети в этом возрасте не любят неуверенных в себе). Поэтому в любой школе предусмотрены классы коррекционного обучения, где развитию личности не препятствует эмоциональный фон тревожного ожидания.

С умственно отсталыми детьми, чья «психика с детства не похожа на психику нормального человека», когда задача вспомогательной школы сводится к тому, чтобы «привить детям прочные навыки, хорошие и надолго», специалисты-дефектологи работают по программе, которая не готовит человека к ситуации свободного нравственного выбора (не нацелена на уровень развития, при котором личность считается состоявшейся).

В *отроческом* возрасте продолжает доминировать потребность в отождествлении с реальным окружением на эмоциональном уровне. Как заметил А. Караковский, «подросток (*педагоги, в отличие других специалистов, для которых подростковый возраст начинается с 14-летнего возраста, называют этим термином детей 11—13 лет*)» превыше всего ценит достойное положение в коллективе. Можно было бы по этой причине ждать, что он сочтет для себя унижительным в одном случае придерживаться требований одной морали, одного кодекса чести, а в другом — следовать требованиям другого. Но не тут-то было: довольно-таки часто для него значимы не столько

требования той или иной морали, сколько тот факт, от кого эти требования исходят. И если он является членом сразу двух коллективов, моральные требования которых не совпадают или даже прямо противоположны друг другу, это его нисколько не шокирует, и он может вполне следовать сразу двум моралям: в одном коллективе одной, а в другом — иной»¹.

Сейчас его отношения с окружающими в когнитивном плане расходятся по трем векторам соответственно *потребности в социальном статусе*, которую Т. Парсонс относил к фундаментальным мотивобразующим факторам социального поведения. Достоянная социальная роль нужна из стремления «к самости в любви, работе и дружбе» (по А. Адлеру), чье время еще не настало, но потребность в которой уже чувствуется. И будит мощные эмоциональные движения. О коллективе мы только что привели цитату А. Караковского. О реакции на «измену друга» и «братаний» с весьма болезненными последствиями достаточно много написано в работах, посвященных проблематике детского суицида. Для того чтобы подчеркнуть содержание чувств, насыщающих потребность в достойном семейном статусе, мы приводим высказывание В. Сухомлинского, известного своим образным педагогическим языком:

«Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе с подростком, я бы ответил, это говорить с ним о его отце и матери... Бывают обстоятельства, когда перед ним будто острое лезвие ножа; он в ужасе, все в нем замирает — такое чувство он испытывает в минуту обнажения семейных отношений, когда ребенку хотелось бы их скрыть»².

Естественно, во всех трех сферах, где формируются социальные позиции и завоевываются роли, достичь успеха одновременно, как правило, невозможно, да и не нужно. Плюсы и минусы в обычной жизни компенсируют друг друга. Но когда неудачи достигают некоего предела, в ход идут психологические защитные реакции, способные вызвать ощутимое отклонение личностного развития. Теперь мы намерены прибегнуть к помощи несложной схемы, благодаря которой наглядность изложения позволит сократить его объем.

В каждой из сфер мы выделили семь ролей примерно одного уровня по статусу (занимаемым позициям), ранжировав их по мере убывания основополагающей ценности, присущей этой сфере. В *коллективе*: компетентный руководитель, авторитетный помощник, формальный помощник, уважаемый член коллектива, рядовой сотрудник, терпимый, бойкотируемый. В *семье*: любимый глава семьи, зависимый любимец, признаваемый без привязанностей, полагающийся на себя, занимающий одну из сторон конфликта, квартирант, выталкиваемый. В *среде неформального общения*: лидер, звезда, независимый, примыкающий, зависимый, помыкаемый, избиваемый. Понятно, что в отро-

¹ Караковский А. О подростках. М., 1970.

² Сухомлинский В. А. Слово к отцам // Правда. 1970. 5 янв.

ческом возрасте роли и позиции осознаются еще весьма расплывчато, конфликт между ними будет осмыслен не скоро, но эмоциональная почва психологической защитной реакции закладывается именно сейчас (см. рис. 1).

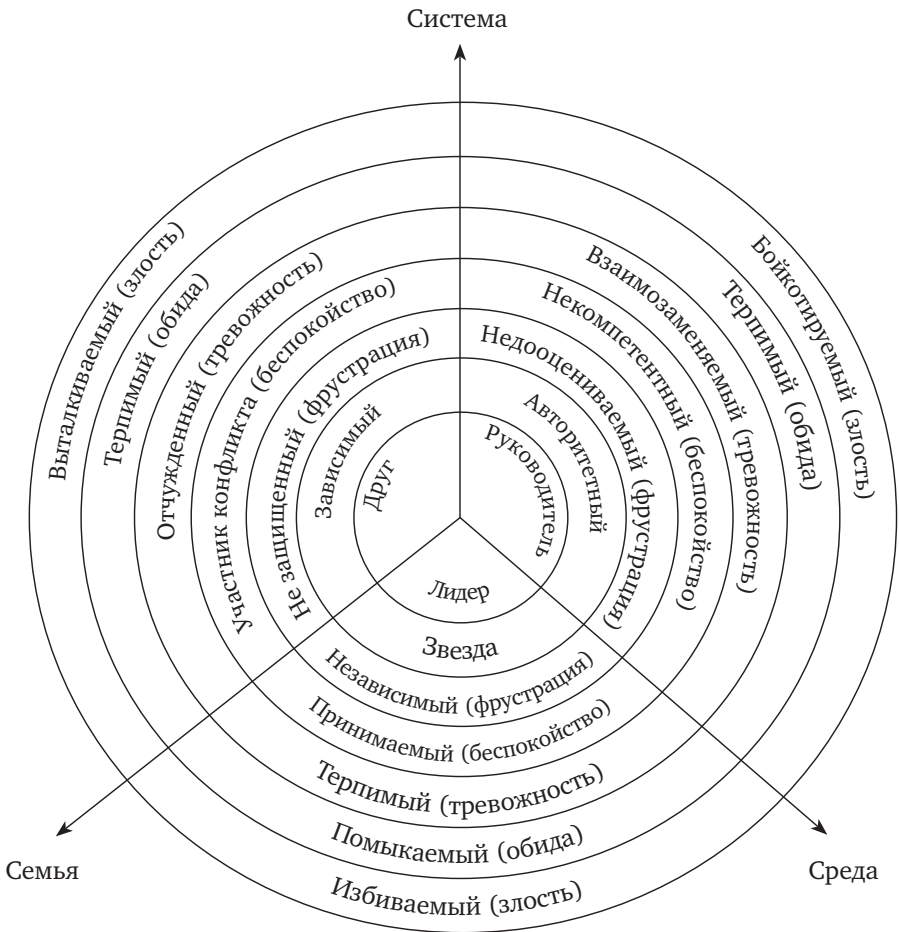

Рисунок 1

В точке, взятой за центр композиции, располагаются лучшие роли по всем трем сферам. Из точки под углом 120° исходят три луча. На них мы произвольно откладываем отрезки соответственно тому масштабу, который взяли, по количеству принятых позиций (в нашем случае их семь, но это число взято исключительно для удобства; теоретически их может быть необозримо много).

Если отметить точкой на каждом отрезке позицию, которую человек занимает в каждой из сфер межличностных отношений, и вокруг нее описать окружность радиусом в две позиции, мы получим три окружности в разной комбинации. Их взаимное расположение позволяет судить о проблемах личностного развития.

Вариант 1

Если окружность охватывает центр или пересекается с другими окружностями, это означает, что человек в состоянии и готов принять свою роль в данной сфере отношений, даже если известные проблемы все же есть (рис. 2).

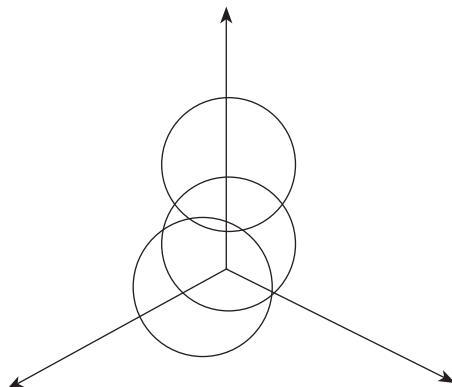

Рисунок 2

Вариант 2

Если одна из окружностей дистанцирована и не соприкасается ни с центром, ни с другими окружностями, это свидетельствует о наличии психического напряжения, способного повлиять на динамику личностного развития. Ребенок может выбрать путь, который называется «оправдать ожидания отвергающей среды», и отреагировать утратой интереса к ценностям сферы отношений, где его позиция не соответствует самооценке. Мы обозначили такую реакцию как исключение третьего.

В частности, рис. 3 отражает ситуацию, которую можно образно назвать «маменькин сынок». Здесь девиантное развитие личности, вызванное сознательным или недостаточно осознанным игнорированием ценностей среды неформального общения и пренебрежением соответствующими навыками, вызовет ощутимые проблемы адаптации, когда человеку придется всерьез считаться с нравами окружающих людей, например, в казарме или общежитии.

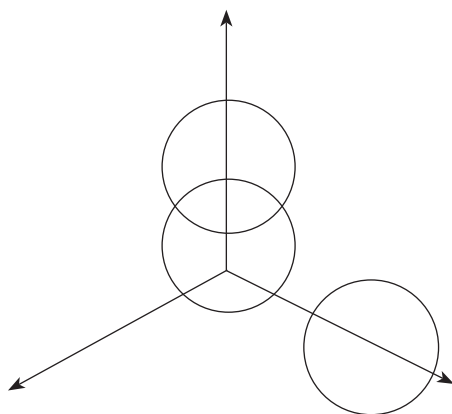

Рисунок 3

В иных вариантах, когда, например, исключенными бывают семейные ценности, дети с неплохими коммуникативными и деловыми качествами испытывают, став взрослыми, серьезные проблемы адаптации к собственным семейным отношениям. Аутсайдеры коллективов, обласканные средой и семьей, вырастают, как правило, подчеркнутыми индивидуалистами.

Вариант 3

Если дистанцированы две окружности, это означает, что игнорировать ценности обеих отвергающих сфер ребенку не по силам и он не в состоянии сохранять внутреннюю гармонию, не замечая своих неудач. Ему приходится активно перестраивать ценностные ориентации. Отношение к отвергающим сферам окрашивается чувством неприязни, тогда как все, что касается принимающей его сферы отношений, наполняется повышенным интересом и стремлением к корпоративному обособлению. Образно говоря, развивающие силы личности концентрируются на ограниченном пространстве и создают своеобразный феномен девиантного развития, который мы обозначили термином экологическая ниша. Привлекательность и доступность ее целеполагающих установок способствуют формированию сепаратизма, социального отчуждения и стремления к субкультурам, создаваемым людьми схожей судьбы.

На рис. 4 обозначена ситуация, когда коллективистические и семейные ценности оказываются труднодостижимыми и весьма вероятно появление стремления присоединиться к уголовной субкультуре.

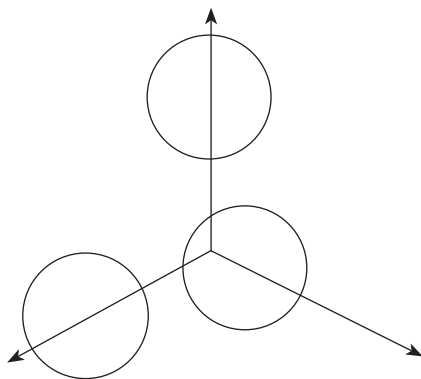

Рисунок 4

В других вариантах неудачники в семье и среде неформального общения нередко устремляются под защиту атрибутов воинского коллектива и оказываются жертвой неуставных отношений. Семейные драмы молодых людей, особенно несовершеннолетних, которые ищут там защиты от неудач в коллективе и среде неформального общения, не нуждаются в комментариях.

Вариант 4

Если все три окружности разобщены и ни одна из них не охватывает центра, проблемы средовой адаптации выходят на качественно иной уровень (рис. 5). Тотальная неприязнь социальной среды — слишком тяжелое испытание для формирующейся личности, ибо, как известно, никто не в состоянии смириться со своей абсолютной никчемностью. Для личности это означает примерно то же, что для организма лишение кислорода. В такой ситуации представления о своей социальной ценности смещаются в область воображения и перестают нуждаться в подтверждении реальностью. Эмоциональные (эмпатийные